

Хвостатые духи Белой горы

Пещеры на границе Оренбургской области и Башкирии мы искали летом 2012-го у села Алмала. Но не нашли. Настоящая приграничная пещера обнаружилась на равнине, на склоне горы у села Разномойка.

Держи «аксаровский карман»

Зима в Тюльганском районе наступает раньше, чем в остальном Оренбуржье. Там грязь и слякоть, а на здешних горах уже лежит белое снежное покрывало. И стоит взобраться на возвышенность, как большое село Разномойка, растянувшееся вдоль речки Тугустемирки, на глазах превращается в один длинный сугроб с торчащими из него печными трубами.

Перед селом, за речкой, зимний пейзаж портили большие сараи, мехдвор с тракторами и белое поле, снег на котором подозрительно шевелился.

– Гусиная ферма, – пояснил директор местной школы Владимир Анипко. – На этом поле несколько тысяч голов ждут новогодних и рождественских праздников. Сби-

неплохо оплачивают его труд.

Зато башкиры из соседнего Аксарова сразу вошли в положение и подарили пару новых сапог и полбарана. Вот после этого и появился на карте «аксаровский карман», а Белая гора целиком отошла к соседям.

Однако местные жители не желали мириться с таким положением дел. И потому на трёхсотметровой полоске земли от речки до подножия взрослые пасли свой скот, а мальчишки, бывало, поколачивали своих сверстников с той стороны, когда те затевали игры на горе.

Впрочем, территориальный вопрос всерьёз здесь никто никогда не поднимал, люди жили по-соседски. И вся округа была уверена, что Белая гора – достопримечательность оренбургская.



До пещеры Владимир Анипко довёл, но влезать не советовал.

жает вниз, как намыленный. Вот там-то, на вершине Белой горы, и находился вход в пещеру, куда местные не совались, опасаясь неизвестных горных духов.

Духи нам были не так страшны,

в пещере был купол, то находился он где-то внизу. Рискнувший сюда влезть, ввинчиваясь в проход головой вниз, должен был либо навечно застрять в нём в таком положении, либо свалиться в

остановочный павильон: пещерка не пещерка, навес не навес. Директор школы внимательно оглядел пространство под «зонтиком» и вдруг удивлённо вскинул брови:

лись в кучу, чтоб теплее было, вот и кажется, будто снег шевелится.

Владимир Дмитриевич оставил на полдня неотложные дела, чтоб стать моим проводником в путешествии на Белую гору – местную достопримечательность.

Длинная горная гряда протянулась за рекой, отсекая Разномойку от соседнего башкирского села Аксарова, и должна была стать естественной границей между Башкирией и Оренбургской областью. Но не тут-то было! Ровная граница, проходящая, как обычно, по вершине гряды, рядом с Разномойкой вдруг резко меняла направление, уходила метров на триста от горы к реке, какое-то время шла по Тугустемирке, а потом опять совершенно нелогичным образом поворачивала к горе и дальше тянулась по её вершине. Участок рядом с селом на карте напоминал карман соседней республики, непонятно как оказавшийся в оренбургском пиджаке.

Уважайте землемеров

У разномойских краеведов на сей счёт ходила легенда про дореволюционного землемера, который шагами мерил землю, проводя границы между переселенцами и башкирами. Его сапоги износились, служебного жалования с трудом хватало на прокорм семьи. Вот он и наемкнул разномойцам насчёт новых сапог и бараньей ноги в придачу. Но здешние жители, приехавшие из южнорусских губерний, слыли людьми прижимистыми, намёка не поняли, а стали доказывать госслужащему, что власти и так

примечательность оренбургская.



Под «зонтиком» стоять опасно: бывает, камни падают.

Только многоопытный директор школы, по профилю учитель истории, улыбался в усы и разводил руками, дескать, с документами не спорят.

Пещерный аромат

Он рассказывал, как когда-то местные уверяли, что две горы рядом с деревней называются Белая и Красная, потому что, дескать, на одной во времена Гражданской войны была позиция казаков, на другой – красноармейцев.

Неизвестно, как было на самом деле, но вот цвет породы у той и другой горы говорил сам за себя. У одной – красный, у другой – белый. Красный камень крепкий – ломом не отколешь. Белый, известковый, наоборот, мягкий: молотком стукнешь – и надвое. А после дождя сам отвалится от склона и съез-

Духи нам были не ак страшны,

как влажный снег, плотно укутавший весь горный склон. Тропинка поднималась отвесно вверх и была не видна. Но даже если мы и попадали на неё, то скользили ботинками по податливой породе и раз за разом скатывались вниз. А потому были счастливы оказаться на верхней площадке, с которой открывался вид на реку, село, поля, уфимскую трассу с одной стороны и вход в пещеру – с другой.

Сказать по правде, этот вход привёл меня в замешательство. Он не был узким: туда мог бы пролезть даже взрослый мужчина в специальном костюме. Но уходил по диагонали вниз под тем же острым углом, что и тропинка снаружи. Выше входа гора практически заканчивалась, до вершины отсюда было от силы метров 5–8, а до подножия 20–30. И уж если

положении, либо свалиться в гипотетическую пещеру с десятиметровой высоты.

– Мы и сами не знаем, какая она внутри, – развёл руками Владимир Дмитриевич. – Туда ещё никто не рисковал нырять.

Я сунул голову внутрь. Судя по тому, как моментально запотели очки, в пещере было достаточно тепло. Станный запах царил внутри горы. Вроде извёстки, смешанной с чем-то животным. Как после ремонта на ферме, где уже несколько лет не было коров.

– Не протиснемся, – махнул рукой Анипко. – Пошли, лучше «зонтик» покажу.

След под каменным зонтом

Это несерьёзное название, как выяснилось, носил большой каменный выступ у подножия соседней Красной горы. Добираться к нему пришлось по низине, занесённой снегом. Прямо по цепочке чьих-то следов. Зверь, оставивший свежий след, был не мелким, ступал аккуратно, глубоко не проваливался.

– Корсак, – определил Владимир Дмитриевич. – У них тут свои тропы. А ниже «зонтика» – родничок в распадке. Он туда, похоже...

Цепочка следов действительно терялась на склоне громадной природной воронки, в густых зарослях чилиги. Над воронкой нависал небольшой уступ, над ним – каменный козырёк, состоящий из плоских глыб разного размера, будто бы аккуратно уложенных одна на другую.

По своему внешнему виду «зонтик» напоминал полукруглый

брови:

– Смотрите-ка, и лисы здесь отметились! Видите там внизу гусиные перья?

Белые перья были уже слегка присыпаны снегом. Видно, лис-корсак здесь не только расправлялся с добычей, но и метил территорию, куда до весны люди не заглядывали.

Мы возвращались по той же цепочке лисьих следов, которая непонятно откуда взялась и неизвестно куда исчезла. Вдруг Анипко остановился, вглядываясь в какой-то тёмный камень на белом снегу. Хотя почему же на? Что-то тёмное выглядывало из-под белого покрывала. Нора? Мы подошли поближе.

Отверстие было точной копией входа в пещеру на вершине горы. Только значительно меньше, на другой стороне и – у самого подножия. Неподалёку красовалось ещё одно.

– Вода промывает, – произнёс Владимир Дмитриевич. – Порода мягкая. А лисы её обживают. Вот тебе и духи горы. Хвостатые.

И он довольно улыбнулся, словно решил для себя ещё одну задачу. Оглянулся на башкирские горы за спиной. Посмотрел на раскинувшиеся впереди оренбургские поля, речку, село, школу, которой отдал три десятка лет своей жизни. Окружающий мир пребывал в спокойствии и гармонии.

– Только бы фермеры не признали, – пробурчал он себе под нос, – кто у них гусей таскает. Да они, поди, и не заметят, с таким-то стадом...

Константин АРТЕМЬЕВ

Фото автора

Тюльганский район